

А. Н. Кляшев

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРОТЕСТАНТОВ –
НОСИТЕЛЕЙ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ**

В статье рассматриваются религиозная идентичность носителей уральских языков до принятия ими христианства протестантского направления, а также определяющие факторы, под воздействием которых респондентами был осуществлен приход в протестантизм (влияние родственников, друзей, членов церкви, миссионеров и т.д.). Было выявлено, что представители финно-угорских народов, проживающих в индустриальном (городском) обществе, по этим показателям практически не отличаются от основного массива респондентов – протестантов, более 60,0 % которых составляют русские. Среди протестантов – коренных народов Севера и Сибири, представленных ненцами и хантами, значительное число бывших носителей традиционных религий. В статье используются материалы полевых исследований, проведенных Институтом этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН в 2013 – 2015 г. на территории Южного, Среднего и Полярного Урала, а также в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югре. Приведенные в работе материалы могут быть использованы преподавателями, студентами и аспирантами профильных образовательных учреждений, учеными, специалистами в области государственно – конфессиональных отношений.

Ключевые слова: финно-угорские народы, самодийские народы, протестантизм, традиционная культура, Уральский регион, Западная Сибирь.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-480-498

Введение

Анализ материалов полевых исследований, проведенных Институтом этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленным структурным подразделением Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН) на территории Южного, Среднего и Полярного Урала, а также в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югре в 2013 – 2015 гг., продемонстрировал, что носители протестантизма, живущие в условиях индустриального и постиндустриального обществ и занятые преимущественно квалифицированным интеллектуальным и физическим трудом, используют протестантские религиозные организации как социальные институты, основной явной функцией которых является удовлетворение духовных потребностей.

В ходе исследований было выявлено, что носители финно-угорских языков – члены протестантских религиозных организаций, функционирующих в соответствующих регионах Российской Федерации, являются этноконфессиональной группой, придерживающейся более традиционного, по сравнению с общей группой респондентов, образа жизни, выражающегося в данном случае в большей степени реализации таких семейных ценностей, как брак и деторождение, а также в большем количестве проживающих в сельской местности [Садиков 2016; Кляшев 2016, 109; Садиков, Тулуз 2017; Садиков, 2017; Toulouze, Sadikov, Vallikivi, Niglas, Anisimov 2018, Vol. 72, 73]. Связано это, по мнению ряда исследователей [Никитина 2015, 195; Васина, Никитина, Поздеев 2016, 169–170; Садиков 2016, 252], с «аграрным происхождением» финно-угорских народов, сохранивших по сравнению с более урбанизированными группами (в частности, русскими), стремление к многодетности и к созданию крепкой семьи; у марийцев, мордвы и финнов-ингерманландцев сохранилось и развивается язычество [Филатов 2017, 270, 291; Каранов 2015, 199–200]. Коренные народы Севера, принадлежащие к уральской языковой семье – ханты и ненцы – также используют протестантские религиозные организации как социальные институты, основной функцией которых является удовлетворение духовных потребностей; латентными функциями в этом случае являются: восстановление жизнеобеспечивающих институтов – оленеводства, рыболовства, охоты и собирательства; восстановление элементов национальных культур – промыслов и языков; социальная помощь малоимущим; регуляции экономических споров [Лаэте 2013, 258–259, 261–273; Vallikivi 2014; Leete, Koosa, Vallikivi, 181; Онищенко 2015, 48–51; Klyashev 2017, 8–10, 12; Богатова 2019, 170–173].

По мнению ряда исследователей, переход в протестантизм носителей финно-угорских (и самодийских) языков является следствием, помимо евангелизационной деятельности протестантских религиозных организаций [Mikeshin 2020, 257] (количество которых, по мнению некоторых исследователей, в Сибири по меньшей мере мало уступает православным [James 2013]), более низкой их вовлеченности в осуществление религиозных практик ислама и православия, обуславливаемой сохранением этнических религиозных традиций, реализуемых в латентной форме. Решающую роль в евангелизации ненцев и хантов играют пасторы и проповедники (в том числе выходцы из числа коренных народов), протестантские религиозные организации оказывают материальную и духовную поддержку коренным народам Севера. Привлекательными для северян являются также простота осуществления религиозных практик, характерных для протестантизма, а также концепция отсутствия посредников между Богом и человеком [Садиков 2008, 3–5, 215–216; Ключева 2012, 140; Ключева, Поплавский, Бобров 2013, 99–120; Садиков 2016, 101–106; Кляшев 2017, 24].

Цель данной статьи, написанной в рамках государственного задания по теме № АААА-А21-121012290084-6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений», – более полное раскрытие некоторых аспектов, касающихся формирования конфессиональной идентичности протестантов – носителей финно-угорских (или, в более широком значении – учитывая присутствие в выборке представителей самодийской языковой группы) – протестантов – носителей уральских языков.

Для реализации поставленной цели были обозначены следующие задачи:

- определение и сравнительный анализ религиозной идентичности (либо ее отсутствие) респондентов до принятия ими христианства протестантского направления;
- выявление и сравнительный анализ определяющих факторов, под воздействием которых респондентами был осуществлен приход в протестантизм (влияние людей – родственников, друзей, членов церкви, миссионеров и т.д., либо собственные экзистенциальные поиски респондента).

Объект исследования – носители финно-угорских и самодийских языков уральской языковой семьи – члены исследованных протестантских религиозных организаций Уральского региона и Западной Сибири; предмет – некоторые аспекты формирования религиозной идентичности респондентов.

Методологическая основа и материалы

В данной статье используются материалы полевых исследований, осуществленных ИЭИ УФИЦ РАН в 2013 – 2015 гг. на территории Урала и Западной Сибири. Сбор данных проводился в 35 протестантских религиозных объединениях консервативного, позднего и пятидесятнического направлений, функционирующих на территории четырех субъектов Уральского региона: Республики Башкортостан и Оренбургской области (Южный Урал), Удмуртской Республики (Средний Урал) и муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми (Полярный Урал) (генеральная совокупность – 3150 чел.; выборочная совокупность – 862 чел. (27,3 %)); а также в двух протестантских религиозных объединениях пятидесятнического направления, функционирующих в г. Нижневартовске ХМАО – Югры Тюменской области РФ и в сельском поселении Рускинская Сургутского района ХМАО – Югры Тюменской области РФ (128 км. к северу от г. Сургут), генеральная совокупность по ХМАО – Югре составляет 650 чел., выборочная совокупность – 81 чел. (12,46 %) [Кляшев 2013; Кляшев 2016; Кляшев 2017].

В ходе данного исследования был осуществлен сбор полевых материалов в том числе среди исповедующих протестантизм коренных народов Полярного Урала и Западной Сибири, являющихся носителями уральских языков.

Так, по данным ИЭИ УФИЦ РАН, на январь 2015 г. из 514 чел. оленеводов городского округа Воркута Республики Коми 45 человек (8,7 %) являлись членами местного религиозного объединения христиан веры евангельской (пятидесятников) (МРО ХВЕ) г. Воркуты «Воскресение» (епископ Величко Федор Никитович). По данным Лаура Валликиви [Vallikivi 2014, 97], около 200 оленеводов городского округа Воркута РК являлись членами общины незарегистрированных баптистов (Международный союз церквей евангельских христиан-баптистов – МСЦ ЕХБ – в прошлом Совет церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ)). Таким образом, из 514 оленеводов городского округа Воркута примерно половина (245 чел.) являются протестантами – преимущественно незарегистрированными баптистами и пятидесятниками; в данном случае исследования ИЭИ УФИЦ РАН затронули

ненцев-пятидесятников, генеральная совокупность составляет 45 чел., количество респондентов (выборочная совокупность) составляет 5 человек (11,1 %). Ненцы-протестанты представлены в выборке многодетной семьей оленеводов, представляющей из себя домашнюю церковь МРО ХВЕ г. Воркуты «Дом Божий», состоящую из мужа (Алексей), жены (Надежды) и шести детей (две совершеннолетние дочери – старшая Вера и Римма, сын Авраам 12 лет и трое детей дошкольного возраста – сын и две дочери, проживавших в чуме, расположенном на момент проведения опроса (10 января 2015 г.) в тундре в 100 км. к юго-востоку от г. Воркуты и в 30 км. к югу от ж/д станции «Елецкая». Семья владеет стадом оленей количеством в 300 голов. Анкетные опросники были заполнены обоими супругами (за мужа озвученные им ответы в анкету вносила жена, так как Алексей читать и писать не умел) и троими из шести детей (остальные дети на вопросы не отвечали по причине малолетства).

11 – 15 декабря 2015 г. ИЭИ УФИЦ РАН был осуществлен экспедиционный выезд в Церковь Местной религиозной организацией Христиан веры евангельской (пятидесятников) Российского объединенного союза христиан веры евангельской (МРО ХВЕ РОСХВЕ) «Слово Жизни» с. п. Русскинская Сургутского района Ханты-мансийского автономного округа – Югры (пастор Кирилишин Игорь Станиславович). Количество членов церкви – 200 чел., из которых 10 чел. проживает в с. п. Русскинская, остальные 190 чел. протестантов-хантов проживают на примерно 50 – 60 родовых участков в тайге, расположенных на расстоянии 18 – 20 км. друг от друга; таким образом, генеральная совокупность по пятидесятникам Югры составила 200 чел., выборочная – 21 чел. (10,5 %), из них один русский, один украинец, один ненец и 18 хантов (9,0 %).

Тот факт, что ненцы Республики Коми в отличие от хантов Югры представлены всего пятью респондентами, объясняется тем, что, если часть хантов-пятидесятников еженедельно регулярно посещает воскресные служения, организуемые церковью либо в с. п. Русскинская, либо на одном из родовых участков в тайге, благодаря чему оказалось возможным охватить анкетным опросом 21 респондента (в частности, на одном из таких участков, расположенном в 65 км. к северу от с. п. Русскинская и в 193 км. к северу от г. Сургут и представляющим собой домашнюю церковь, состоящую из трех семей хантов – оленеводов общей численностью 13 человек, также был осуществлен сбор полевых материалов – на время проведения опросов на участке присутствовали главы семьи и домашней церкви Даниил, его супруга Галина и сын Анатолий); ненцы – члены пятидесятнической церкви городского округа Воркута рассредоточены в тундре и проживают со своими семьями в чумах, расстояние между которыми составляет от десяти километров и более, на воскресные служения в церкви г. Воркуты практически не ездят, религиозные практики в чумах осуществляются выездной группой пасторов и епископа из г. Воркуты [Vallikivi 2009, 68]. Ограниченные ресурсы ИЭИ УФИЦ РАН позволили в целях сбора полевых материалов осуществить единственный выезд в тундру за 100 км. от г. Воркуты. Сбор эмпирического материала, касающегося этно-демографических и социальных характеристик членов протестантских религиозных объединений, осуществлялся методом социологии: опросом посредством анкетирования с использованием анкет закрытого типа. Машинная обработка материалов полевых исследований проводилась с использованием программы Microsoft Excel; принципиальным планом исследования являлась индуктивная стратегия, предполагающая обобщение эмпирического материала как модели объяснения исследуемого феномена.

В данной статье проводится сопоставление характеристик этнических групп носителей финно-угорских (и самодийских) языков – членов протестантских религиозных организаций Южного, Среднего и Полярного Урала с характеристиками по общей выборке протестантов исследованных уральских регионов, а также сопоставление характеристик этнических групп носителей финно-угорских языков – членов протестантских религиозных организаций Ханты-Мансийского автономного округа с характеристиками по общей выборке верующих Югры по следующим показателям:

– под воздействием каких факторов был осуществлен приход респондентов в протестантизм (воздействие людей – родственников, друзей, членов церкви, миссионеров и т.д., либо собственные экзистенциальные поиски респондента);

– религиозной идентичности (либо ее отсутствии) респондентов до принятия ими христианства протестантского направления.

Этнический состав выборки по регионам Урала следующий: русские – 63,0 % (542 респондентов), татары – 14,1 % (121 респондент), башкиры – 4,9 % (42 респондента), удмурты 4,4 % (38 респондентов), украинцы 3,1 % (27 респондентов), марийцы 2,9 % (25 респондентов), чувашаи 2,0 % (17 процентов), мордва 0,8 % (7 респондентов), 4,9 % из выборки (42 респондента, включая: немцы 1,0 % (9 респондентов), армяне 0,7 % (6 респондентов), ненцы 0,5 % (5 респондентов), а также белорусы,

евреи, латыш-поляк, литовец, анголец, узбек, коми, коми-пермяк, казах, казак, азербайджанцы, молдаване, кореец и христианин – (каждой позиции менее 0,4 %) выбрали в анкетном опроснике позицию «другая национальность». Этнический состав респондентов ХМАО – Югры: русские – 61,7 % (50 респондентов), хантов – 22,2 % (18 респондентов), украинцы – 8,6 % (7 респондентов), татары – 2,5 % (2 респондента), 1 респондент – башкир, 1 ненец, 1 кумык и 1 опрошенный, определивший свою этническую принадлежность как «другая национальность».

Результаты

Вероисповедание респондента до принятия протестантизма

Самая крупная группа в общей выборке по Уральскому региону (35,2 %) – атеисты, люди, не исповедовавшие до прихода в протестантизм никакой религии. Вторая по численности группа в общей выборке – внеконфессиональные теисты, «просто веровавшие в Бога» – их 32,8 %. На третьем месте бывшие православные, которых 24,2 %; бывших мусульман в общей выборке по Уральскому региону 5,2 %. Исповедовавших до прихода в протестантизм иудаизм 0,1 %, буддизм – 0,2 %. От общей выборки 2,2 % составляют респонденты, выбравшие позицию «другие религии», в том числе многобожие, язычество и католицизм. Самые крупные группы у удмуртов (42,1 %), марийцев (48,0 %) и мордвы (57,1 %) – так же, как и в общей выборке, бывшие атеисты, но у протестантов – носителей финно-угорских языков их количество больше. Внеконфессиональные теисты также занимают второе место по численности среди марийцев (36,0 %) и мордвы (28,6 %); соответственно бывшие православные среди марийцев (12,0 %) и среди мордвы (14,3 %) на третьем месте. У протестантов-удмуртов Уральского региона респонденты, исповедовавшие до прихода в протестантизм православие, занимают второе место в выборке (34,2 %), внеконфессиональные теисты – третье (23,7 %). Бывших православных среди марийцев и мордвы примерно вдвое меньше, чем в общей выборке, и больше всего среди протестантов – удмуртов. 4,0 % марийцев до прихода в протестантизм исповедовали язычество. По ненцам-протестантам городского округа Воркута результаты следующие: на вопрос о вероисповедании до прихода в протестантизм из пяти респондентов ответили только родители; Алексей исповедовал идолопоклонство, Надежда «просто верила в Бога» (табл. 1).

Таблица 1

Вероисповедание респондентов до принятия протестантизма (Уральский регион)

Вероисповедание респондентов	Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)	Удмурты (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=38)	Марийцы, (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=25)	Мордва, (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=7)	Ненцы, (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=5)
Не исповедовал (а) никакой	35,2	42,1	48,0	57,1	–
Просто верил (а) в Бога	32,8	23,7	36,0	28,6	50,0
Православие	24,2	34,2	12,0	14,3	–
Ислам	5,2	–	–	–	–
Иудаизм	0,1	–	–	–	–
Буддизм	0,2	–	–	–	–
Другие религии	2,2	–	4,0 (язычество)	–	50,0

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми; Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области. 2013–2015 гг.

Как и в общей выборке по Уральскому региону, крупнейшая группа в общей выборке по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре (38,5 %) – атеисты; внеконфессиональные теисты так-

же занимают второе место по численности (26,9 %), бывшие православные (21,8 %) – третье, меньше всего в выборке бывших мусульман (2,6 %). Исповедовавших до прихода в протестантизм другие религии (в том числе язычество и идолопоклонство) в выборке по Югре 10,3 % – больше, чем в выборке по Уралу; данный факт можно объяснить тем, что в ходе осуществления экспедиционных выездов полевых материалов среди носителей традиционной культуры Югры – хантов – было собрано больше (18 респондентов, заполнивших анкетные опросники), чем среди носителей традиционной культуры Республики Коми – ненцев (5 респондентов). Следует отметить также, что если на территории Республики Коми, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., проживало 503 ненца, то на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области носителей традиционной культуры – хантов – проживало 19068, в то же время на Южном, Среднем и Полярном Урале количество представителей городской культуры превышает их количество в Югре¹. Самая крупная группа среди хантов (47,1 %) – исповедовавшие до прихода в протестантизм другие религии (в том числе язычество и идолопоклонство). На втором месте по численности атеисты – их в выборке по хантам 29,4 %. На внеконфессиональных теистов и бывших православных приходится по 11,8 % на каждую группу (таб. 2).

Таблица 2

Вероисповедание респондентов до принятия протестантизма (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области)

Вероисповедание респондентов	Общие данные по протестантским церквям (ХМАО – Югра Тюменской области, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=81)	Ханты (ХМАО – Югра Тюменской области, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=18)
Не исповедовал (а) никакой	38,5	29,4
Просто верил (а) в Бога	26,9	11,8
Православие	21,8	11,8
Ислам	2,6	–
Иудаизм	–	–
Буддизм	–	–
Другие религии	10,3 (в т.ч. язычество, идолопоклонство)	47,1 (в т.ч. язычество, идолопоклонство)

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми; Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области. 2013 – 2015 гг.

Кто способствовал приходу респондента в протестантскую церковь

Крупнейшая группа в общей выборке по Уральскому региону – респонденты, пришедшие в протестантскую церковь при содействии друзей (35,6 %). На втором месте по численности (19,6 %) находятся верующие, пришедшие в протестантизм при содействии родителей; на третьем месте (12,0 %) – лица, на конфессиональный выбор которых решающее воздействие оказали родственники. 7,9 % в общей выборке по Уралу составляют те, кого в протестантскую церковь привели собственные экзистенциальные поиски, 7,3 % составляют респонденты, на формирование религиозной идентичности которых повлияли их супруги. На тех, кто пришел в протестантскую церковь при содействии незнакомого христианина или христианки протестантского направления, приходится 6,5 %, при содействии отечественных миссионеров – 5,8 %, своих детей – 3,2 %, зарубежных миссионеров – 2,1 %. Меньше всего в выборке тех респондентов, на конфессиональный выбор которых повлияло воздействие иностранных миссионеров.

У удмуртов (40,5 %) и марийцев (36,0 %), так же, как и у респондентов из общей выборки по Уральскому региону, на первом месте друзья, на втором у удмуртов – родственники (16,2 %); у марийцев родственники (20,0 %) и отечественные миссионеры (20,0 %). У мордвы на первом месте супруги (42,9 %), на втором друзья (28,6 %) и родственники (28,6 %). У ненцев самая крупная группа – родители (60,0 %), ответившие на этот вопрос дети пришли в протестантизм под влиянием своих ро-

¹ Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года.

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (дата обращения: 12.02.2021).

дителей, на втором месте супруги (20,0 %) – глава семьи и домашней церкви Алексей принял христианство под влиянием своей супруги; решающим фактором в принятии протестантизма его супруги Надежды было влияние отечественных миссионеров (20,0 %) (таб. 3).

Таблица 3

Кто способствовал приходу респондента в протестантскую церковь (Уральский регион)

Кто способствовал приходу респондента в протестантскую церковь	Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)	Удмурты (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=38)	Марийцы, (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=25)	Мордва, (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=7)	Ненцы, (Уральский регион, 2013–2015 гг., % от числа опрошенных, N=5)
Супруг (супруга)	7,3	10,8	–	42,9	20,0
Родители	19,6	10,8	12,0	–	60,0
Дети	3,2	5,4	–	–	–
Друзья (друг, подруга)	35,6	40,5	36,0	28,6	–
Родственники (родственник)	12,0	16,2	20,0	28,6	–
Иностранные миссионеры	2,1	2,7	–	–	–
Отечественные миссионеры	5,8	8,1	20,0	–	20,0
Незнакомый христианин (христианка) протестантского вероисповедания	6,5	–	4,0	–	–
Сам (а) пришёл (пришла)	7,9	5,4	8,0	–	–

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми; Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области. 2013–2015 гг.

Самая крупная группа в общей выборке по Югре – принявшие христианство протестантского направления при содействии родителей (26,6 %). Самая большая группа в общей выборке по Уральскому региону – респонденты, пришедшие в протестантскую церковь при содействии друзей – в выборке по ХМАО занимает второе место, но по численности она отличается от первой группы Югры незначительно и составляет (25,3 %). На третьем месте – респонденты, осуществившие свой конфессиональный выбор самостоятельно, их в выборке 15,2 %, на четвертом месте (13,9 %) верующие, выбравшие протестантизм под влиянием родственников, при содействии супруга (супруги) – 10,1 %, незнакомца христианина или христианки протестантского направления, приходится 3,8 %, при содействии отечественных миссионеров – 3,8 %, зарубежных миссионеров – 1,3 %. Как и в выборке по Уралу, меньше всего в выборке по Югре, тех респондентов, на конфессиональный выбор которых повлияло воздействие иностранных миссионеров.

У хантов на первом месте респонденты, выбравшие протестантизм при воздействии родственников (27,8 %), на втором месте группа респондентов, выбравших в анкете позицию «родители» (22,2 %), на третьем группа респондентов, приход в протестантизм для которых был результатом их собственных экзистенциальных поисков (сам (а) пришёл (пришла)) – 16,7 % (табл. 3).

Таблица 4

**Кто способствовал приходу респондента в протестантскую церковь
(Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области)**

Кто способствовал приходу респондента в протестантскую церковь	Общие данные по протестантским церквям (ХМАО – Югра Тюменской области, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=81)	Ханты (ХМАО – Югра Тюменской области, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=18)
Супруг (супруга)	10,1	11,1
Родители	26,6	22,2
Дети	–	–
Друзья (друг, подруга)	25,3	11,1
Родственники (родственник)	13,9	27,8
Иностранцы миссионеры	1,3	5,6
Отечественные миссионеры	3,8	5,6
Незнакомый христианин (христианка) протестантского вероисповедания	3,8	–
Сам (а) пришёл (пришла)	15,2	16,7

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми; Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области. 2013–2015 гг.

Заключение

Приведенные выше материалы исследований свидетельствуют, что протестантов – носителей финно-угорских (и самодийских) языков уральской языковой семьи исследованных регионов Урала и Западной Сибири по одному из признаков (вероисповедание или его отсутствие до принятия протестантизма) можно условно разделить на две группы.

Первая группа – это представители удмуртского, марийского и мордовского этносов, которые так же, как и респонденты из общих выборок, до прихода в протестантизм являлись преимущественно атеистами, либо являлись «просто веровавшими в Бога» внеконфессиональными теистами, либо православными. Показатели данной группы отличаются от общих по регионам Урала и Западной Сибири в незначительных деталях: так, если бывших атеистов в общей выборке по Уралу 35,2 %, а в общей выборке по ХМАО 38,5 %, то среди удмуртов их 42,1 %, марийцев 48,0 %, мордвы 57,1 %. Внеконфессиональных теистов в уральской выборке 32,8 %, в выборке по Югре 26,9 %, среди удмуртов 23,7 %, марийцев 36,0 %, мордвы 28,6 %. Бывших православных в общей выборке по Уральским регионам 24,2 %, в выборке по Ханты-мансийскому АО 21,8 %, среди удмуртов их количество самое значительное и составляет 34,2 %, среди марийцев (12,0 %) и мордвы (14,3 %) бывших православных почти в два раза меньше; 4,0 % марийцев – бывшие язычники. В выборке по Уральским регионам свыше 90 % марийцев и 80 % мордвы представлены локальными группами своих этносов, проживающих на территории Республики Башкортостан, более 90 % удмуртов проживают на своей исконной территории – в Республике Удмуртия. На наш взгляд, особенности вероисповедания респондентов, представляющих данные этнические группы, до их прихода в протестантизм соответствуют конфессиональным особенностям, присущим этим этносам и их локальным группам. Так, на территории Башкортостана марийцы в значительной степени сохранили свои традиционные верования; мордва, подвергшаяся воздействию православия, также сохранила языческие традиции. Удмурты, проживающие на территории Удмуртской Республики, являются в настоящее время в большинстве своем православными; в то же время наличие во всех трех данных группах большего, чем в общих выборках по протестантам Урала и Югры, количества бывших атеистов объясняется, на наш взгляд, относительно недавней христианизацией финно-угорских народов Урала, вследствие чего христианское мировоззрение недостаточно глубоко укоренилось в народном сознании [Садиков 2016, 10, 83, 165 – 166; Садиков 2016, 101, 103 – 105]. Удмурты, марийцы и мордва, интегрированные в индустриальные сообщества Уральских регионов и Югры, как и респонденты из общих выборок, до прихода в протестантизм были либо атеистами, либо внеконфессиональными теистами («просто верили в Бога»), либо исповедовали православие; 4,0 % марийцев исповедовали язычество.

Вторая группа представлена протестантами – носителями традиционной культуры: ненцами – оленеводами и хантами, живущими традиционными промыслами – рыболовством, охотой и оленеводством. По признаку вероисповедания или его отсутствия до принятия протестантизма ненцы и ханты довольно сильно отличаются от представителей первой группы. У ненцев глава семьи и домашней церкви Алексей исповедовал идолопоклонство, его супруга Надежда «просто верила в Бога»; дети с самого начала осознанного возраста воспитывались родителями в христианской традиции. 47,1 % хантов до прихода в протестантизм исповедовали язычество и идолопоклонство, 29,4 % были атеистами, 11,8 % – внеконфессиональными теистами и 11,8 % – православными.

Основные факторы, под воздействием которых был осуществлен приход респондентов в протестантизм, по общим выборкам и по этническим группам протестантов – носителей уральских языков – это преимущественно воздействие наиболее близких людей, пользовавшихся, очевидно, доверием респондентов: друзей (35,6 % по Уралу, 25,3 % по Югре, 40,5 % у удмуртов, 36,0 % у марийцев, 28,6 % у мордвы, 11,1 % у хантов); родственников (12,0 % по Уралу, 13,9 % по Югре, 16,2 % у удмуртов, 20,0 % у марийцев, 28,6 % у мордвы, 27,8 % у хантов); супругов (7,3 % по Уралу, 10,1 % по Югре, 10,8 % у удмуртов, 42,9 % у мордвы, 20,0 % у ненцев, 11,1 % у хантов); родителей (19,6 % по Уралу, 26,6 % по Югре, 10,8 % у удмуртов, 12,0 % у марийцев, 60,0 % у ненцев, 22,2 % у хантов). Такими факторами являются также (в общей выборке по Югре – 15,2 % и по хантам – 16,7 %) собственные экзистенциальные поиски; различия заключаются в процентном соотношении выбранных позиций в каждой группе. Исключения составляют марийцы, среди которых по сравнению с другими группами высок процент пришедших в протестантскую церковь при воздействии отечественных миссионеров (20,0 %). Процесс формирования религиозной идентичности членов домашней церкви ненцев – пятидесятников «Дом Божий», на наш взгляд, представляет собой модель общих тенденций в процессе христианизации коренных народов Севера в миниатюре: Надежда пришла в протестантизм при содействии отечественных миссионеров МРО ХВЕ г. Воркуты «Воскресение» и способствовала приходу в церковь своего мужа Алексея, их дети, в свою очередь, воспитывались в традициях христианского вероучения. Становление и развитие пятидесятнической церкви в с. п. Русскинская ХМАО – Югры происходило по сходному сценарию: супруга пастора Игоря Кирилишина Зоя (по национальности Игорь – украинец, Зоя – ханты), пришла к Богу в 1995 г., ее муж стал христианином (при ее содействии) в 1999 г. С 2001 по 2003 гг. супруги учились в Библейской школе в Москве; с 2003 г. начали служить в с. п. Русскинская. Изначально в общине было 6 – 7 человек, на время проведения опросов (11 – 15 декабря 2015 г.) община состояла из 200 верующих, в подавляющем большинстве хантов, 61,1 % которых стали протестантами при содействии своих супругов, родителей им родственников.

Таким образом, приведенные выше материалы свидетельствуют, что приход в протестантизм носителями финно-угорских (и самодийских) языков исследованных регионов Урала и Западной Сибири был осуществлен в основном при содействии близких людей, пользующихся доверием – родственников и друзей; по этому показателю протестанты – финно-угры практически не отличаются от респондентов из общих выборок. Касательно тундровых и таежных замкнутых сообществ носителей традиционной культуры – ненцев и хантов – можно отметить, что первоначальный импульс в процессе формирования христианской идентичности исходит от внешних миссионеров (зачастую основательниц церквей); ставшие протестантами представители коренных народов Севера являются в этом случае своего рода культуртрегерами для своих наиболее близких людей – родственников, супругов, детей и друзей.

По такому показателю, как религиозная идентичность (либо ее отсутствие) респондентов до прихода в протестантизм протестантов – носителей уральских языков можно условно разделить на две группы. Первая группа – это живущие в индустриальном (городском) обществе удмурты, марийцы и мордва, которые хотя и выделяются среди общего массива респондентов – протестантов своей традиционностью (в данном случае большим количеством состоящих в брачных отношениях, многодетностью и несколько большим количеством сельских жителей), однако не выходят по своим основным социально-демографическим характеристикам (уровень образования, доходов, профессиональная занятость и т. п.) за рамки общих показателей по протестантам Урала и Югры кардинальным образом. Больше всего среди удмуртов, марийцев и мордвы, как и общих выборках, бывших атеистов, внеконфессиональных теистов, до прихода в протестантизм «просто веривших в Бога», и православных. Вторая группа представлена носителями традиционной культуры – ненцами и хантами, проживающими и осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность – оленеводство, рыболовство и охоту – соответственно в тундровой и таежной зонах и своими социально – демогра-

фическими характеристиками довольно сильно отличающимися от общих групп протестантов Урала и ХМАО. Среди них практически отсутствуют горожане, лица с высшим и средним специальным образованием и высококвалифицированные специалисты (жизнь в тайге требует иных профессиональных навыков, отличных от тех, которые представители индустриальных обществ получают в высших и средних образовательных учреждениях) [Кляшев 2017, 21–24; Кляшев 2017, 61–66; Кляшев 2020, 712–716]; больше всего среди ненцев и хантов бывших представителей этнических религий (которые были идентифицированы респондентами, в соответствии с положениями христианского вероучения, как язычество и идолопоклонство), несколько меньше бывших атеистов и внеконфессиональных теистов – представляется вполне логичным, что носители уральских языков, сохраняющие традиционный образ жизни, сохранили также и свои традиционные верования; представители финно-угорских народов, живущие в индустриальных сообществах, приходят в протестантизм не как бывшие носители традиционных этнических религий, а скорее как носители современной урбанизированной культуры, в значительной степени (но, как показывают данные по марийцам, не полностью) утратившие свои этноконфессиональные традиции.

Рис. 1. Епископ Федор Величко, занятия о вреде оккультизма, МРО ХВЕ «Воскресение», январь 2015 г., г. Воркута.

Рис. 2. Чум многодетной семьи ненцев-протестантов (10 января 2015 г., 100 км. к ю.-в. от г. Воркута)

Рис. 3. Экспедиционный выезд ИЭИ УФИЦ РАН 10 января 2015 г. (10 января 2015 г., чум ненцев-протестантов, 100 км. к ю.-в. от г. Воркута)

Рис. 4. Причастие в чуме ненцев-протестантов, пастор Мирослав церкви ХВЕ г. Воркута (10 января 2015 г., чум ненцев – протестантов, 100 км. к ю.-в. от г. Воркута)

Рис. 5. Причастие в чуме ненцев-протестантов, справа – диакон церкви ХВЕ г. Воркута Алексей, слева – старшая дочь хозяина чума Вера (10 января 2015 г., чум ненцев-протестантов, 100 км. к ю.-в. от г. Воркута)

Рис. 6. Справа – глава семьи и домашней церкви ненцев-протестантов Алексей, слева – автор (10 января 2015 г., чум ненцев-протестантов, 100 км. к ю.-в. от г. Воркута)

Рис. 7. Анкетирование членов многодетной семьи – домашней церкви ненцев-протестантов (10 января 2015 г., чум ненцев-протестантов, 100 км. к ю.-в. от г. Воркута)

Рис. 8. Даниил – глава семьи и домашней церкви хантов-протестантов (11–15 декабря 2015 г., родовой участок 65 км. к с. от с. п. Русскинская, в 193 км. к с. от г. Сургут)

Рис. 9. Родовой участок семьи и домашней церкви хантов-протестантов (11–15 декабря 2015 г., родовой участок 65 км. к с. от с. п. Русскинская, в 193 км. к с. от г. Сургут)

Рис. 10. Изучение Библии в семье и домашней церкви хантов-протестантов, в центре – глава семьи Даниил, справа – его супруга Галина, слева – их сын Анатолий (11–15 декабря 2015 г., родовый участок 65 км. к с. от с. п. Рускинская, в 193 км. к с. от г. Сургут).

Рис. 11. Изучение Библии в семье и домашней церкви хантов-протестантов, пастор Игорь Кирилишин (11–15 декабря 2015 г., родовый участок 65 км. к с. от с. п. Рускинская, в 193 км. к с. от г. Сургут).

Рис. 12. Сбор членов церкви хантов-протестантов МРО ХВЕ РОСХВЕ) «Слово Жизни» с. п. Рускинская на воскресное служение на одном из родовых участков

Рис. 13. Воскресное служение церкви хантов-протестантов МРО ХВЕ РОСХВЕ) «Слово Жизни» с. п. Рускинская на воскресное служение на одном из родовых участков.

ЛИТЕРАТУРА

- Богатова О. А. Этноцизация религии и сакрализация этничности в Мордовии. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 169–179.
- Васина Т. А., Никитина Г. А., Поздеев И. Л. Ресурсный потенциал удмуртов в различных социо- и этнокультурных средах. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2016. С. 169–170.
- Каранов Д. П. Евангелическо-лютеранская церковь и этническая идентичность ингерманландских финнов в XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 198–217.
- Клюева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб.: Издательство РХГА, 2013. С. 99–120.
- Клюева В. П. Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов – пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 140.
- Кляшев А. Н. Социально-демографические особенности этнических групп протестантов по материалам полевых исследований в районах Южного и Полярного Урала // Вестник удмуртского университета. 2016. Т. 26. вып. 4. С. 101–111.
- Кляшев А. Н. Социально-демографические особенности протестантов – носителей финно-угорских языков в уральском регионе // Ученые записки петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 24.
- Кляшев А. Н. Протестанты – носители финно-угорских языков на территории Урала и Западной Сибири по материалам полевых исследований // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2017. Т. 22, № 1 (85). С. 33.
- Кляшев А. Н. Протестантизм в индустриальных и традиционных сообществах (по материалам полевых исследований в ХМАО – Югре) // Вестник ВЭГУ. 2017. № 4 (90). С. 57–66.
- Кляшев А. Н. Удмурты-Адвентисты Седьмого Дня в селе Якшур-Бодья: этно-демографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований 2020. № 4. С. 710–719.
- Леэте А. «Бог говорит на моем родном языке»: этническая стратегия Коми церкви. // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 256–275.
- Никитина Г. А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков. Ресурсы и опыт адаптации. Ижевск, 2015. С. 195.
- Онищенко А. Г. Просветительская деятельность харизматических церквей среди малочисленных народов Красноярского края. // Межконфессиональная миссия. Миссия конфессий. 2015. № 2 (6). С. 45–52.
- Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (дата обращения: 12.02.2021).
- Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). // Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.
- Садиков Р. Р. «Языческие» религии в Республике Башкортостан // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2016, № 2. С. 101–106.
- Садиков Р. Р., Тулуз Е. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017, № 4. С. 97–114.
- Садиков Р. Р. Современная культовая практика закамских удмуртов (материалы экспедиционного исследования 2016 г.) // Финно-угроведение. 2017, № 1–2. С. 92–104.
- Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016. С. 252.
- Филатов С. Б. Национальное движение марийского народа: между язычеством и христианством // Труды института востоковедения РАН. 2017, № 4. С. 274–275.
- Филатов С. Б. Православие мордовских народов перед языческим и протестантским вызовами // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 4. С. 291–302.
- James B. Is Russia Turning Protestant? Voice of America, 2013. URL: <https://blogs.voanews.com/russia-watch/2013/07/30/is-russia-turning-protestant/> (accessed 10 February 2021).
- Klyashev A. Reindeer Herders and White-Collar Workers: A Descriptive Study of Protestant Ethnic Groups in Urals and Western Siberia. Preprints 2017, 2017110123 (doi: 10.20944/preprints201711.0123.v1).
- Leete A, Koosa P, Vallikivi L. Pentecostals and Charismatic Protestants in the Republic of Komi and Nenets Tundra. Folklore. Electronic Journal of Folklore. Tartu, 2015. Vol. 61. pp. 185–192. In English.
- Mikeshin I. “A Prophet Has No Honour in the Prophet’s Own Country”: How Russian Is Russian Evangelicalism? Temenos. Nordic journal of comparative religion. 2020, Vol. 56. no. 2. pp. 251–268.
- Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part I. The collective sacrificial rituals by the Bashkortostan Udmurt: rooted in tradition // Folklore. Electronic Journal of Folklore. Tartu, 2018. Vol. 72. pp. 203–218.
- Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part II. Collective sacrificial rituals by the bashkortostan udmurt: revitalisation and innovation // Folklore. Electronic Journal of Folklore. Tartu, 2018. Vol. 73. pp. 117–144.

Vallikivi L. Christianization of Words and Selves: Nenets Reindeer Herders Joining the State through Conversion. In: Mathijs Pelkmans (ed.), *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union* 59–83. New York, Berghahn Book, 2009. pp. 59–83. In English.

Vallikivi L. “On the Edge of Space and Time: Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic” *Ethnology and Folkloristics*, 2014. 8, 2. pp. 95–120.

Поступила в редакцию 18.02.2022

Кляшев Александр Николаевич,

кандидат исторических наук,

Институт этнологических исследований

им. Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение

Федерального государственного бюджетного научного учреждения

Уфимского федерального исследовательского центра

Российской академии наук.

450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6

E-mail: ak1168@mail.ru

A. N. Klyashev

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE CONFESSIONAL IDENTITY OF PROTESTANTS – CARRIERS OF THE FINNO-UGRIK LANGUAGES

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-3-480-498

This paper examines the religious identity of the speakers of the Uralic languages before their adoption of the Protestant Christianity, as well as the determining factors under the influence of which the respondents came to Protestantism (the impact of people – relatives, friends, church members, missionaries, etc.). It was found that Finno-Ugric peoples living in an industrial (urban) society, according to these indicators, practically do not differ from the main body of respondents – Protestants, more than 60.0 % of whom are Russians. Among the Protestants – the indigenous peoples of the North and Siberia – Nenets and Khanty, there is a significant number of former carriers of traditional religions. The article uses materials from fieldworks conducted by the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeeva UFIC RAS in 2013 – 2015 in the South, Middle and Polar Urals, as well as in the Surgut region of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (KhMAO) – Yugra. The materials presented in the work can be used by teachers, students and graduate students of specialized educational institutions, scientists, specialists in the field of state – confessional relations.

Keywords: Finno-Ugric peoples, Samoyed peoples, Protestantism, traditional culture, Ural region, Western Siberia.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 3, pp. 480–498. In Russian.

REFERENCES

Bogatova O. A. *Etnizatsiya religii i sakralizatsiya etnichnosti v Mordovii* [Ethnicization of religion and sacralization of ethnicity in Mordovia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad A. S. Pushkin State University], 2019, no. 3, pp. 169–179. In Russian.

Vasina T. A., Nikitina G. A., Pozdeev I. L. *Resursnyi potentsial udmurtov v razlichnykh socio- i etnokul'turnykh sredah* [Resource potential of Udmurts in various socio-ethnocultural environments], *UIIYAL UrO RAN* [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Izhevsk, 2016, pp. 169–170. In Russian.

Karanov D. P. *Evangelicheskoye lyuteranskaya tserkov' i etnicheskaya identichnost' ingermanlandskikh finnov v XIX v.* [Evangelical Lutheran Church and Ethnic Identity of Ingermanland Finns in the 19th Century]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2015, no. 2 (33), pp. 198–217. In Russian.

Klyueva V. P., Poplavskii R. O., Bobrov I. V. *Pyatidesyatniki v Yugre (na primere obshchin RO TSKHVE KHMAO)* [Pentecostals in Ugra (on the example of the communities of the Regional Center of Chemistry and Ethnography of the KhMAO)], St. Petersburg, Izdatel'stvo RKHGA Publ., 2013, pp. 99–120. In Russian.

Klyueva V. P. *Rasprostranenie protestantizma u korennykh malochislennykh narodov (na primere khantov – pyatidesyatnikov)* [The spread of Protestantism among small peoples (on the examples of the Khanty - Pentecostals)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2012, no. 4 (19), p. 140. In Russian.

Klyashev A. N. *Sotsial'no-demograficheskie osobennosti etnicheskikh grupp protestantov po materialam polevykh issledovaniy v raionakh Yuzhnogo i Polyarnogo Urala* [Socio-demographic characteristics of Protestant ethnic groups based on field research in the Southern and Polar Urals]. *Vestnik udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2016, pp. 101–111. In Russian.

Klyashev A. N. *Sotsial'no-demograficheskie osobennosti protestantov – nositelei finno-ugorskih yazykov v ural'skom regione* [Socio-demographic features of Protestants – speakers of Finno-Ugric languages in the Ural region]. *Uchenye zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Uchenye Zapiski Petrozavodsk State University], 2017, pp. 24. In Russian.

Klyashev A. N. *Protestanty – nositeli finno-ugorskih yazykov na territorii Urala i Zapadnoi Sibiri po materialam polevykh issledovaniy* [Protestants – speakers of the Finno-Ugric languages in the Urals and Western Siberia based on fieldworks materials] *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. 2017. Vol. 22. no. 1 (85), p. 33. In Russian.

Klyashev A. N. *Protestantizm v industrial'nykh i traditsionnykh soobshchestvakh (po materialam polevykh issledovaniy v KHMAO – Yugre)* [Protestantism in industrial and traditional communities (based on fieldworks in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra)] *Vestnik VEHGU* [Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy]. 2017, no. 4 (90), pp. 57–66. In Russian.

Klyashev A. N. *Udmurty-Adventisty Sed'mogo Dnya v sele Yakshur-Bod'ya: ehtno-demograficheskii analiz* [Udmurts-Adventists of the Seventh Day in the village of Yakshur-Bodya: ethno-demographic analysis] *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2020. Vol. 14. no. 4, pp. 710–719. In Russian.

Leete A. *“Bog govorit na moem rodnom yazyke”*: etnicheskaya strategiya Komi tserkvi. [“God speaks my native language”: the ethnic strategy of the Komi Church.]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. 2013, no. 18, pp. 256–275. In Russian.

Nikitina G. A. *Sel'skoe soobshchestvo Udmurtii v usloviyah reform rubezha XX–XXI vekov. Resursy i opyt adaptatsii* [The rural community of Udmurtia in the context of reforms at the turn of the 20th – 21st centuries. Resources and adaptation experience]. Izhevsk, 2015. p. 195. In Russian.

Onishchenko A. G. *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' kharizmaticheskikh tserkvei sredi malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraja*. [Educational activities of charismatic churches among the small peoples of the Krasnoyarsk Territory] *Mezhkonfessional'naya missiya. Missiya konfessii* [Interfaith mission. Mission of denominations.]. 2015, no. 2 (6), pp. 45–52. In Russian.

Okonchatel'nye itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda [Final results of the 2010 All-Russian Population Census]. In Russian. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 12 February 2021).

Sadikov R. R. *Traditsionnye religioznye verovaniya zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [Traditional religious beliefs of the Zakamsk Udmurts (history and modern development trends)] *Tsentri ehtnologicheskikh issledovaniy UNTS RAN* [Center for Ethnological Research, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], Ufa, 2008, 232 p. In Russian.

Sadikov R. R. *“Yazycheskie” religii v Respublike Bashkortostan* [“Pagan” religions in the Republic of Bashkortostan] *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoy akademii nauk* [Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2016, no. 2, pp. 101–106. In Russian.

Sadikov R. R., Tuluz E. *Preemstvennost' i revitalizatsiya v obryadakh obshchestvennykh zhertvoprinoshenii u zakamskikh udmurtov* [Continuity and revitalization in the rites of public sacrifice at the Zakamsk Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2017, no. 4, pp. 97–114. In Russian.

Sadikov R. R. *Sovremennaya kul'tovaya praktika zakamskikh udmurtov (materialy ekspeditsionnogo issledovaniya 2016 g.)* [Modern cult practice of Zakamsk Udmurts (materials of the expeditionary study 2016)] *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies]. 2017, no. 1–2, pp. 92–104. In Russian.

Sadikov R. R. *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, OOO “Pervaya tipografiya” Publ., 2016. 252 p. In Russian.

Filatov S. B. *Natsional'noe dvizhenie marijskogo naroda: mezhdru yazychestvom i khristianstvom* [The national movement of the Mari people: between paganism and Christianity]. *Trudy instituta vostokovedeniya RAN* [Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2017, no. 4. pp. 274–275. In Russian.

Filatov S. B. *Pravoslaviye mordovskikh narodov pered yazycheskim i protestantskim vyzovami* [Orthodoxy of the Mordovian peoples facing pagan and Protestant challenges]. *Trudy instituta vostokovedeniya RAN* [Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2017, no. 4. pp. 291–302. In Russian.

James B. Is Russia Turning Protestant? *Voice of America*, 2013. URL: <https://blogs.voanews.com/russia-watch/2013/07/30/is-russia-turning-protestant/> (accessed 10 February 2021). In English.

Klyashev, A. Reindeer Herders and White-Collar Workers: A Descriptive Study of Protestant Ethnic Groups in Urals and Western Siberia. Preprints 2017, 2017110123 (doi: 10.20944/preprints201711.0123.v1). In English.

Leete A, Koosa P, Vallikivi L. Pentecostals and Charismatic Protestants in the Republic of Komi and Nenets Tundra. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. Tartu, 2015, Vol. 61, pp. 185–192. In English.

Mikeshin I. “A Prophet Has No Honour in the Prophet’s Own Country”: How Russian Is Russian Evangelicalism? *Temenos. Nordic journal of comparative religion*. 2020, Vol. 56, no. 2 2020, pp. 251–268. In English.

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part I. The collective sacrificial rituals by the Bashkortostan Udmurt: rooted in tradition. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. Tartu, 2018, Vol. 72, pp. 203–218. In English.

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part II. Collective sacrificial rituals by the bashkortostan udmurt: revitalisation and innovation. *Folklore. Electronic Journal of Folklore*. Tartu, 2018, Vol. 73, pp. 117–144. In English.

Vallikivi L. Christianization of Words and Selves: Nenets Reindeer Herders Joining the State through Conversion. In: Mathijs Pelkmans (ed.), *Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms, and Technologies of Faith in the Former Soviet Union*. New York, Berghahn Book, 2009, pp. 59–83. In English.

Vallikivi L. “On the Edge of Space and Time: Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic”. *Ethnology and Folkloristics* 2014, pp. 8, 2, 95–120. In English.

Received 18.02.2022

Klyashev Alexander Nikolaevich,

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,

R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian

Academy of Sciences

6, Karl Marx st., Ufa, 450077, Russian Federation

E-mail: ak1168@mail.ru